

INSPIRIA

л о р а д е й в

ОН БЫЛ
ИДЕАЛЬНЫМ МУЖЕМ,
ПОКА НЕ ИСЧЕЗ...

ПОСЛЕДНЕЕ,
ЧТО ОН
СКАЗАЛ
МНЕ

INSPIRIA

Лора Дейв

Последнее, что он сказал мне

Серия «Novel. Мировые хиты»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67650237

Дейв, Лора. Последнее, что он сказал мне: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-169153-0

Аннотация

Книгагода Goodreads Choice Awards.

Роман переведен на 40 языков.

Идеально для любителей сериалов «Большая маленькая ложь», «Отыграть назад», «И повсюду тлеют пожары».

Лора Дейв – автор нескольких национальных и международных бестселлеров, получивших признание критиков и авторитетных изданий. Ее книги опубликованы в восемнадцати странах, а по пяти романам сняты фильмы и сериалы. Роман «Последнее, что он сказал мне» не стал исключением. Готовится экранизация Apple TV+. В главных ролях Дженнифер Гарнер и Энгаури Райсв.

Роман Лоры Дейв «Последнее, что он сказал мне» мгновенно стал бестселлером и больше полугода держался в списке бестселлеров NewYorkTimes.

Она думала, что у нее есть всё: идеальный дом, идеальный муж, идеальный брак. Но на самом деле идеальной была только кровать.

Он был идеальным мужем, пока не исчез...

В тот день, когда федералы внезапно приходят с обыском на фирму по производству программного обеспечения, главный программист Оуэн Майклз исчезает. Шестьсот тысяч долларов и записка «Защити ее!» – вот все, что находят Ханна, новая жена Оуэна, и Бейли, его угрюмая дочь-подросток от первого брака.

Ханна затевает собственное расследование, в результате которого узнает, что десять лет назад Оуэн сменил имя, спасаясь от смертельной опасности. Постепенно Ханна и Бейли налаживают отношения, которые у них не задались с самого начала, ведь только вдвоем они смогут узнать, кем же на самом деле был идеальный муж и отец.

«Идеальная книга, которая заставляет переворачивать одну страницу за другой». – РИЗ УИЗЕРСПУН

«Легко и ярко, несмотря на остросюжетность». – VOGUE

Содержание

Пролог	7
– Часть 1 –	9
Если открываешь дверь незнакомцам...	9
Грин-стрит до того, как она стала Грин-стрит	14
Не задавай вопрос, на который не хочешь знать ответа	28
Думайте что хотите	38
Двадцать четыре часа назад	47
Следуй за деньгами	50
Помощь на подходе	57
Они тебе не друзья	68
Не держи на меня зла	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Лора Дейв
Последнее, что
он сказал мне

Laura Dave

The last Thing he told me

© Целовальникова Д., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство Эксмо», 2022

* * *

*Джошу и Джейкобу, моим чудесным мальчикам,
и Рошель, и Эндрю Дейв за все хорошее*

*(пойдем сказал он ей пойду недалеко ответила
она что есть недалеко сказал он туда где ты
ответила она)*

– э.э. каммингс

Пролог

Оуэн любил подтрунивать надо мной из-за того, что привычку терять всякие мелочи я возвела в разряд искусства. Я теряла все подряд – солнцезащитные очки, ключи, варежки, бейсболки, марки, фотоаппараты, мобильники, бутылки, авторучки, шнурки, носки, лампочки, формочки для льда. В какой-то степени он был прав: я частенько клала вещи не на место, отвлекалась и начисто про них забывала.

На нашем втором свидании я потеряла парковочный талон. На ужин мы приехали каждый на своей машине, о чем Оуэн не преминул пошутить – он подтрунивал над моей самостоятельностью даже в первую брачную ночь. А я шутила над тем, что он устроил мне настоящий допрос, задавая бесконечные вопросы о моем прошлом – о мужчинах, которые бросили меня, о мужчинах, которых бросила я. Оуэн окрестил их «несбывшимися мальчиками», поднял бокал и заметил, что благодарен им за то, что они мне не подошли, ведь теперь со мной в ресторане сидит именно он, а не кто иной.

– Ты меня едва знаешь, – сказала я.

Он улыбнулся.

– Такое чувство, будто мы знакомы целую жизнь.

Отчасти он был прав. Просто уму непостижимо, насколько мы сблизились буквально с первых минут. Мне приятно думать, что я влюбилась без памяти и позабыла обо всем на

свете. Разве тут до парковочных талонов!

Мы оставили свои машины на стоянке отеля «Ритц-Карлтон» в центре Сан-Франциско. Парковщик и слушать не захотел, что я провела в ресторане всего пару часов. За утренний талон полагался штраф.

– Вы могли держать тут машину неделями, – заявил парковщик. – Почему мне знать, вдруг вы пытаетесь меня надуть? Сотня долларов плюс налог, и езжайте куда хотите. Читать умеете?

На табличке значилось: сто долларов плюс налог, и вы свободны.

– Ты уверена, что его нигде нет? – спросил Оуэн с улыбкой, словно это было самое лучшее, что ему удалось узнать обо мне за весь вечер.

Еще как уверена! Я обыскала каждый дюйм своего взятого напрокат «Вольво», потом шикарного спортивного авто Оуэна (хотя я в него даже не садилась) и серого асфальта в гараже, будь он не ладен! Талон пропал без следа.

Через неделю после исчезновения Оуэна мне приснился сон. Муж стоял на парковке в том же самом костюме и с той же пленительной улыбкой на губах. Он снял обручальное кольцо и сказал: «Ну вот, Ханна. Теперь ты потеряла и меня».

– Часть 1 –

*Терпеть не могу ученых, которые берут доску,
ищут самую тонкую часть и сверлят дырки там,
где это проще всего.*

– Альберт Эйнштейн

Если открываешь дверь незнакомцам...

По телевизору это показывают постоянно. В дверь стучат, открываешь и слышишь новость, которая меняет всю твою жизнь. Как правило, приходит полицейский или пожарный, иногда военный в форме. Но я вижу на пороге вовсе не копа и не федерального агента в брюках с наутюженными стрелками. Дурную весть мне приносит девочка лет двенадцати

в футбольной форме.

– Миссис Майклз? – спрашивает она.

Я медлю с ответом, как всегда, когда меня пытаются назвать по фамилии мужа. Я свою не меняла, так и осталась Ханной Холл. За тридцать восемь лет я к ней привыкла и не видела нужды становиться другим человеком. Однако за год с небольшим брака с Оуэном я научилась не поправлять людей, ведь единственное, что они хотят знать, используя такое обращение, – жена я ему или нет.

В данном случае это все, что интересует двенадцатилетку у меня на пороге. Откуда я так точно знаю ее возраст? Большую часть жизни я делила людей на две категории: дети и взрослые, но за последние полтора года изменила свое отношение благодаря дочери моего мужа, Бейли, типичному трудному подростку шестнадцати лет. При первой встрече я ляпнула, что она выглядит гораздо моложе своих лет. Хуже преступления не придумаешь!

Если, конечно, не считать моей попытки сгладить возникшую неловкость шуткой. Я сказала, что сочла бы это за комплимент, в моем-то возрасте! Увы, с тех пор Бейли меня не переваривает, хотя теперь я ученая и остерегаюсь не только шутить, но и приставать с разговорами к подросткам шестнадцати лет.

Итак, вернемся к моей двенадцатилетней подружке в грязных ботсах, которая нетерпеливо переминается с ноги на ногу.

– Мистер Майклз велел вам кое-что передать.

Она протягивает мне желтый листок бумаги в линейчку. На лицевой стороне почерком Оуэна написано: Ханне. Я беру сложенную записку, глядя девочке прямо в глаза.

– Прошу прощения, – говорю я. – Видимо, я что-то упустила. Ты подружка Бейли?

– Кто такая Бейли?

Утвердительного ответа я и не ждала: между двенадцатью и шестнадцатью пролегает целая пропасть. Ничего не понимаю! Почему Оуэн не позвонил? Почему он прислал эту девочку? Первое, что приходит в голову, – с Бейли что-то случилось, а Оуэн не смог вырваться с работы. Однако Бейли сейчас дома, закрылась в своей комнате, врубив музыку на полную (сегодня это «Красавица: мюзикл о Кэрол Кинг») в знак того, что мне туда хода нет.

– Я не совсем понимаю... Где ты его видела?

– Он пробежал мимо меня по холлу, – отвечает девочка.

Сперва я думаю, что она имеет в виду наш холл – пространство у меня за спиной. Нет, не может быть! Мы живем в так называемом плавучем доме – оборудованном под жилье судне с окнами в пол и потрясающим видом на залив, в Сосалито их сотни четыре – целая община. Тротуаром нам служит пристань, гостиной – холл.

– Ты видела мистера Майклза в школе?

– Ну да, где же еще? Мы с Клэр спешили на тренировку, и он попросил нас отнести записку. Я сказала, что смогу

только после занятия, он согласился и дал ваш адрес. – Девочка достает второй клочок бумаги. – И двадцать баксов.

Деньги она не показывает – наверное, боится, что отберу.

– У него что-то с телефоном, и он не смог вам позвонить.

Точно не знаю – мы говорили на бегу.

– Значит, у него телефон сломался?

– Откуда мне знать?

И тут звонит ее телефон – точнее, я подумала, что это телефон. Она снимает с пояса какую-то навороченную штуку, похожую на пейджер. Неужели они снова в ходу? Музыкальные шоу Кэрол Кинг, ультрасовременные пейджеры... Неудивительно, что я так раздражаю Бейли: подростки живут в своем мире, о котором мне практически ничего не известно.

Девочка набирает что-то на девайсе, уже выкинув Оуэна и свою двадцатидолларовую миссию из головы. Мне не хочется ее отпускать, ведь я понятия не имею, что происходит. Наверное, это какая-то странная шутка. Может, Оуэну она кажется смешной. Лично мне не смешно, по крайней мере сейчас.

– Ну, пока! – говорит девочка и уходит.

Она направляется к пристани. Над заливом садится солнце, и ранние звезды освещают ее путь.

Я выхожу на пристань, надеясь, что Оуэн (мой милый, глупый Оуэн!) выскочит из-за причала вместе с хихикающей детской футбольной командой и закричит, что это розыг-

рыш. Увы, никого тут нет.

Я закрываю входную дверь и смотрю на сложенную записку. Вот бы оставить все как есть и не знать, что внутри; просто шутка или ошибка. Мне хочется задержаться в этом мгновении, за миг до катастрофы.

Разворачиваю записку. Послание короткое, всего в одну строчку, и непонятное.

«Защити ее!»

Грин-стрит до того, как она стала Грин-стрит

Я познакомилась с Оуэном чуть больше двух лет назад.

Тогда я еще жила в Нью-Йорке – в трех тысячах миль от Сосалито, городка в Северной Калифорнии, который теперь называю домом. Оуэн с Бейли поселились там более десяти лет назад. Сосалито находится по другую сторону моста Золотые Ворота, на северном берегу бухты Сан-Франциско, и жизнь там совсем иная. Тихий, очаровательный островок спокойствия рядом с шумным мегалополисом. Он разительно отличается и от Манхэттена, где я жила в лофте на Грин-стрит в Сохо – крошечной квартирке с астрономической арендной платой, всегда казавшейся мне неподъемной. Я использовала ее также в качестве мастерской и выставочного зала.

Я занимаюсь резьбой по дереву, этим и зарабатываю на жизнь. Узнав про мой род деятельности, некоторые люди презрительно морщат нос и с содроганием вспоминают школьные уроки труда. Отчасти это так, но в то же время и совсем не так. Мне нравится описывать свою работу как изготовление скульптур, только не из глины, а из дерева.

В профессию я пришла по вполне понятной причине: мой дедушка был превосходным резчиком по дереву, и я с ранних лет наблюдала за его работой. Он был главным челове-

ком в моей жизни, сколько я себя помню, и вырастил меня практически в одиночку.

Моих родителей, Джека и Кэрол (которая просила называть ее исключительно по имени), воспитание детей совершенно не заботило. Их не интересовало почти ничего, кроме карьеры моего отца-фотографа. Вначале дедушке удавалось хоть как-то привлекать к общению со мной маму, а отца я почти не знала – он путешествовал по работе двести восемьдесят дней в году. В свободное от работы время он предпочитал скрываться на семейном ранчо в Севани, штат Теннесси, вместо того чтобы тащиться два часа до Франклина, где жил мой дедушка, и проводить время со мной. Вскоре после моего шестого дня рождения отец бросил маму ради своей ассистентки по имени Гвендолен, которой едва исполнился двадцать один, и мама тоже перестала меня навещать. Она гонялась за отцом до тех пор, пока они не сошлись снова. И тогда уже я осталась у дедушки насовсем.

Впрочем, я вовсе не чувствую себя бедной сироткой. Конечно, неприятно, когда твоя мать убегает в закат, особенно если ты это ничем не заслужила. С другой стороны, оглядываясь на свое прошлое, я понимаю, что мать сделала мне одолжение – ни тебе извинений, ни лишних колебаний. Она ясно дала понять: от меня тут вообще ничего не зависело.

Без нее моя жизнь стала счастливее. Дедушка был добрым и надежным, каждый вечер готовил мне ужин и читал сказки перед сном. И еще разрешал смотреть, как он работает.

Я обожала за ним наблюдать. Он брал огромный кусок дерева и двигал по токарному станку, превращая во что-нибудь волшебное. Если же результат его не устраивал, он придумывал, во что еще это можно переделать.

Пожалуй, в его работе мне больше всего нравилось, как дедушка всплескивал руками и говорил: «Что ж, попробуем сделать иначе», и изыскивал способы сделать то, чего ему хотелось. Наверное, любой психолог, который не даром ест свой хлеб, сказал бы, что это подарило мне надежду: я думала, что дедушка поможет и мне сделать то же самое.

По сути, наоборот, наблюдая за работой дедушки, я поняла, что не все нам поддается. Есть определенные вещи, к которым ты делаешь подходы с самых разных сторон и не надеешься на немедленный результат. Выполняешь свою работу, чего бы тебе это ни стоило.

Я никогда не ожидала преуспеть в токарном мастерстве и не думала, что переключусь на изготовление мебели. Более того, я подозревала, что вряд ли смогу зарабатывать этим на жизнь. Даже дедушка, чтобы нам хватало, регулярно подрабатывал ремонтом. Однако мне повезло уже в начале карьеры: фотографию моего самого эффектного обеденного стола опубликовали в журнале «Архитектурный дайджест», и я смогла занять определенную нишу, прославившись среди жителей центра Нью-Йорка. Как объяснил мне один знакомый дизайнер интерьеров, моим клиентам хотелось тратить кучу денег, декорируя свои дома таким образом, чтобы они

производили прямо противоположное впечатление. И с этим мои шедевры в деревенском стиле справлялись как нельзя лучше.

Со временем моя преданная клиентура значительно расширилась, распространившись на другие прибрежные города и курортные городки: Лос-Анджелес, Аспен, Ист-Хэмптон, Парк-Сити, Сан-Франциско.

Так мы с Оуэном и познакомились. Его привел Эйвитт Томпсон, гендиректор технологической компании, в которой работал Оуэн. Эйвитт и его жена, неопикуемая красавица по имени Белла, по праву считались моими самыми преданными клиентами.

Белла любила шутить, что она – трофейная жена. Это было бы забавно, если бы она не подпадала под данное определение по многим параметрам: бывшая модель, по возрасту лет на десять моложе взрослых детей Эйвитта, родилась и выросла в Австралии. Мои работы стояли в каждой комнате таун-хауса в Сан-Франциско, где они жили с Эйвиттом, и в недавно построенном загородном доме в Сент-Хелене, маленьком городке в северной оконечности долины Напа, где Белла любила уединяться.

С Эйвиттом я виделась несколько раз, до того как он заявился ко мне в мастерскую вместе с Оуэном. Они прилетели в Нью-Йорк на встречу с инвесторами, и Белла велела им заодно взглянуть на пристенный столик с закругленными краями, который я сделала для их супружеской спальни. Эйвитт

понятия не имел, что именно должен выяснить – вроде бы прикинуть, сочетается ли столик с каркасом кровати – каркасом, на котором будет лежать натуральный органический матрас за десять тысяч долларов.

Честно говоря, Эйвитта этот вопрос особо не заботил. Он зашел в мастерскую в строгом синем костюме, с намертво заляченной седеющей шевелюрой, не отрывая от уха телефон. Бегло взглянув на столик, прикрыл динамик рукой.

– Неплохо. Значит, договорились?

Не успела я ответить, как он направился к выходу. Оуэн, напротив, задержался. Мастерская произвела на него неизгладимое впечатление, и он внимательно рассмотрел все мои работы.

Я наблюдала за ним и удивлялась, глядя на странную картину: долговязый загорелый парень с копной светлых волос, в поношенных кедах «Конверс» и модном деловом пиджаке. Такое чувство, словно он свалился прямо с доски для серфинга, напялив на ходу накрахмаленную сорочку и пиджак.

Поймав себя на том, что разглядываю его слишком пристально, я поспешно отвернулась. Оуэн тем временем подошел к предмету моей особой гордости – добротному обеденному столу в деревенском стиле, который я использовала в качестве рабочего. Большую часть столешницы занимали компьютер, газеты и инструменты, и нужно было как следует постараться, чтобы разглядеть сам предмет мебели.

Оуэн обратил внимание и на твердое красное дерево, из

которого я выстругала столешницу, и на слегка высветленные уголки, обитые железом. Был ли он первым посетителем, заметившим стол? Конечно, нет. Но он первым склонился, как частенько делала я, и провел пальцами по острым полосам металла.

– Ай!

– Знали бы вы, как приятно наткнуться на него посреди ночи, – заметила я.

Оуэн встал и напоследок любовно похлопал по столешнице. Затем направился ко мне и подошел так близко, что я даже опешила от его прыткости. Наверное, мне следовало смутиться – я стояла перед ним в майке без рукавов и заляпанных краской джинсах, волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбились немытые локоны. Впрочем, под его взглядом я ощутила и нечто иное.

– Итак, – начал он, – какова ваша цена?

– Вообще-то образец выставочный и не продается, – ответила я.

– Потому что он травмоопасен?

– Именно.

И тогда Оуэн улыбнулся. При виде этой улыбки мне вспомнились все дурацкие поп-песни. Дело не в том, что она озарила его лицо, затронула мои душевные струны или заставила сердце выпрыгнуть из груди – ничего подобного! Просто здесь, на Грин-стрит в центре Манхэттена, я редко встречала такую улыбку – щедрую, детскую, добрую. Да что там,

таких на Манхэттене вообще не бывает!

– Значит, продажа стола не обсуждается?

– Увы, нет. Впрочем, я могу предложить вам что-нибудь еще.

– Как насчет мастер-класса? Вы могли бы показать мне, как сделать такой самому, разве что с чуть более мягкими углами... Я подпишу отказ от претензий. Любые травмы – на мой страх и риск.

Я изрядно смутилась. У меня возникло чувство, что мы говорим вовсе не о столе. Более того, я была в этом совершенно уверена – насколько может быть уверена женщина, которая целых два года готовилась выйти замуж за мужчину, а потом поняла, что он ей не подходит. Причем за две недели до свадьбы!

– Послушайте, Итан... – начала я.

– Оуэн, – поправил он.

– Оуэн, очень мило, что вы спросили, – продолжила я, – однако у меня есть правило: с клиентами – только деловые отношения.

– Значит, повезло, что ваши изделия мне не по карману!

Впрочем, это его немного остудило. Он пожал плечами, словно говоря «в другой раз», и направился к двери, где по тротуару нетерпеливо расхаживал Эйвитт, все еще разговаривая по телефону.

Он почти ушел, и вдруг я поняла: мне нужно во что бы то ни стало его остановить, сказать, что я имела в виду совсем

другое!

Не стану утверждать, что это была любовь с первого взгляда.

Просто мне захотелось его задержать ненадолго и растянуть удовольствие, увидев еще раз широкую, добрую улыбку.

– Погодите! – окликнула я, судорожно оглядывая мастерскую в поисках подходящего предлога, и протянула ему кусок ткани, принадлежавший другой клиентке. – Передайте это Белле.

Так себе идея! Как сказал бы мой бывший жених, это совершенно на меня не похоже – обычно я сторонилась людей, а не тянулась к ним.

– Непременно, – кивнул Оуэн, избегая смотреть мне в глаза. – Кстати, у меня тоже есть правило: никаких свиданий. Я – отец-одиночка и иду в комплекте. – Он помолчал. – Кстати, моя дочь – заядлая театралка, и я серьезно упаду в ее глаза, если не схожу на какой-нибудь спектакль, будучи в Нью-Йорке.

Он кивнул в сторону Эйвитта, орущего в телефон.

– Эйвитт не любитель пьес, как ни странно...

– Да уж.

– Ну, что скажете? Хотите со мной? – Оуэн не стал подходить ближе, лишь поднял взгляд и посмотрел мне прямо в глаза. – Не будем считать это свиданием, – предложил он. – Розовая акция, так сказать. Только ужин и спектакль. Приятно познакомиться, и пока.

– Из-за наших правил? – уточнила я.

Улыбка вернулась – открытая и щедрая.

– Да, – ответил он, – из-за них.

– Чем это так пахнет?

Из воспоминаний меня выдергивает Бейли, стоящая в дверях кухни. Она надела поверх толстого свитера плечевую сумку, пряди лиловых волос застряли под ремнем.

Я улыбаюсь ей, прижимая телефон к подбородку. Никак не могу дозвониться до Оуэна – у него постоянно включается автоответчик.

– Прости, я тебя не заметила, – говорю я.

Она молчит, сжав губы. Я убираю телефон, не обращая внимания на угрюмый вид девочки. Ее не портят даже эти гримасы. Бейли красива той красотой, которая приковывает к себе все взгляды. Сходства с Оуэном почти нет – ее лиловые волосы от природы каштанового цвета, глаза темные, пронзительный взгляд буквально затягивает. Оуэн говорит, что она пошла в дедушку (отца матери), поэтому ее и назвали в честь него. Девочка по имени Бейли.

– Где папа? – спрашивает она. – Он обещал отвезти меня

на тренировку.

Я напрягаюсь, вспомнив о записке в кармане. «Защити ее!»

– Наверное, уже едет. Начнем ужинать без него.

– Что так пахнет? – Бейли морщит нос, давая понять, что запах ей неприятен.

– Паста лингвини, которую ты заказывала в «Поджио».

Она смотрит на меня с таким видом, словно «Поджио» – не ее любимый ресторан по соседству, словно мы не ужинали там пару недель назад, отмечая ее шестнадцатилетие. Бейли заказала их фирменное блюдо – домашнюю пасту из нескольких видов злаков в коричневом масляном соусе. Оуэн дал ей попробовать немного «Мальбека» из своего бокала. Я-то думала, что ей понравилась паста, а Бейли, видимо, просто понравилось пить вино с отцом.

Я накладываю на тарелку большую порцию и ставлю на кухонный островок.

– Попробуй.

Бейли смотрит на меня, размышляя, затевать ли ссору – стоит ли расстраивать отца, если я настучу ему про отказ от ужина. Решив не связываться, она прячет раздражение и устраивается на барном табурете.

– Ладно, – говорит она, – попробую.

Бейли почти пытается наладить со мной отношения, в том-то и беда. Она вовсе не плохой ребенок и не угроза моему браку. Она – хорошая девочка, попавшая в ненавист-

ную ей ситуацию. И эта ситуация возникла из-за меня.

Причины, по которым девочка-подросток испытывает отвращение к новой жене своего отца, вполне очевидны, особенно в случае с Бейли, привыкшей не делить его ни с кем и видеть в нем и лучшего друга, и самого большого своего обожателя. Впрочем, у Бейли есть и другие причины меня не любить. Дело тут не только в том, что я неправильно определила ее возраст при нашем знакомстве. Все началось вскоре после моего переезда в Сосалито. Я должна была забрать Бейли после школы, и вдруг мне позвонил клиент, и я опоздала на пять минут. Не на десять – всего на пять. Впрочем, с тем же успехом я могла бы явиться и на час позже. Когда я подъехала к дому ее подруги, часы показывали семнадцать ноль пять, но это уже не имело значения... Бейли – девочка пунктуальная. Оуэн скажет вам, что это качество у нас семейное. И его жена, и дочь способны оценить человека всего за пять минут. Больше и не нужно. В те пять минут, пока я разговаривала по телефону, ответив на неурочный звонок, Бейли и приняла окончательное решение насчет меня.

Бейли накручивает пасту на вилку и пристально разглядывает.

– В «Поджио» была не такая.

– Ну что ты, паста та же самая! Я убедила шеф-повара поделиться рецептом. Он даже отправил меня на фермерский рынок в Ферри-билдинг за чесночным хлебом, с которым ее подают.

– Ты съездила в Сан-Франциско за буханкой хлеба?!

Возможно, я слишком стараюсь ей угодить, не отрицаю.

Бейли наклоняется и сует вилку в рот. Я закусываю губу, предвкушая ее невольное одобрение. И тут она начинает давиться и тянет руку к стакану воды.

– Что ты туда положила? – спрашивает Бейли. – По вкусу как... угли.

– Но я же сама пробовала! Паста получилась превосходная.

Я пробую еще раз и понимаю, что Бейли права. Пока я размышляла о визите девочки-футболистки и содержании записки Оуэна, масляный соус безнадежно подгорел. Он стал горький и по вкусу теперь напоминает головешки из костра.

– В любом случае мне пора, – заявляет Бейли. – Иначе Сью уедет.

Бейли встает, и я представляю, как сзади стоит Оуэн и шепчет мне на ухо: «Подожди». Он всегда это говорит, если Бейли относится ко мне с пренебрежением. Подожди. Он имеет в виду, что когда-нибудь она ко мне придет. Но через два с половиной года она уедет учиться в колледж. Мое время кончается – я могу не успеть с ней сблизиться.

А я об этом просто мечтаю! Я хочу, чтобы у нас были хорошие отношения, и дело не только в Оуэне. Тут все гораздо сложнее. Хотя Бейли дичится, меня к ней тянет. Отчасти тому причиной потеря матери. Пусть моя мать и не умер-

ла, а просто ушла из моей жизни, это наложило на нас сходный отпечаток. Такое чувство, словно ты попал в незнакомый мир и пытаешься понять, как выжить в нем без самого важного для тебя человека.

– Пойду к Сью.

Сью, подруга Бейли, тоже в команде. Она живет неподалеку, там Бейли опасность точно не грозит.

Так ли это? «Защити ее!»

– Давай я тебя отвезу, – предлагаю я.

– Нет. – Бейли заправляет лиловые пряди за уши и чуть сбавляет тон. – Спасибо, не стоит. Сью все равно на тренировку...

– Если твой папа не вернется, за тобой заеду я. В общем, кто-нибудь из нас тебя встретит.

Бейли сверлит меня взглядом.

– Почему это он не вернется?

– Вернется, я уверена. Я имела в виду... Если за тобой приеду я, то дам тебе порулить.

Бейли только что получила ученические права. Теперь ей нужно целый год водить машину в сопровождении взрослого. Оуэн не любит, когда она ездит по ночам, поэтому я спешу воспользоваться случаем.

– Конечно, – говорит Бейли. – Спасибо!

Она идет к двери, стремясь поскорее закончить разговор и вырваться на воздух Сосалито. Ради этого она скажет что угодно.

– Значит, увидимся через пару часов?

– Пока!

Входная дверь хлопает, и я остаюсь в опустевшей кухне с запиской Оуэна и подгоревшей пастой, которой с лихвой хватило бы на семью из десяти человек.

Не задавай вопрос, на который не хочешь знать ответа

Восемь вечера, а Оуэн так и не позвонил.

На парковке у школы Бейли я сворачиваю влево и оста-навливаюсь рядом с главным входом. Убавляю громкость ра-дио, набираю номер мужа и сразу попадаю на голосовую по-чту. Сердце замирает. Он уехал на работу двенадцать часов назад, юная звезда футбола побывала в нашем доме два часа назад, восемнадцать моих сообщений остались без ответа.

– Привет, – говорю я после гудка. – Не знаю, что там у тебя происходит, но ты должен срочно мне перезвонить! Я тебя люблю, конечно, но если не объявишься, тебе конец!

Нажимаю отбой и смотрю на телефон, надеясь на ответ-ный звонок. Оуэн все объяснит. У него всегда находится до-стойное объяснение, за то и люблю. Он неизменно привно-сит во все происходящее спокойствие и здравый смысл. Мне хочется верить, что так произойдет и сейчас. Понятия не имею, как ему это удастся...

Пересаживаюсь на пассажирское сиденье, освобождая ме-сто для Бейли. Закрываю глаза и перебираю разные вариан-ты развития событий, стараясь придумать разумное объяс-нение. Что могло пойти не так? Застрыл на важном совеща-нии. Потерял телефон. Решил сделать Бейли грандиозный сюрприз. Решил удивить меня неожиданным путешествием.

Думает, что это смешно. Вообще не думает...

И вдруг по радио звучит название технологической компании Оуэна – «Технолавка». Показалось? Я прибавляю громкость. Может, я упомянула ее, записывая голосовое сообщение? «Ты застрял в своей «Технолавке»?» Возможно.

И тут ведущий новостей Национального общественного радио уверенно переходит к основной части репортажа.

– Сегодняшний рейд стал кульминацией четырнадцати месяцев расследования, проведенного Комиссией по ценным бумагам и ФБР в отношении методов работы компании по разработке программного обеспечения. Мы можем подтвердить, что гендиректор «Технолавки», Эйвитт Томпсон, арестован. Ему инкриминируют растрату и мошенничество. Близкие к следствию источники сообщили Национальному радио следующее: «Есть доказательства, что Томпсон планировал покинуть страну и подготовил себе резиденцию в Дубае». Остальным членам руководства компании также предъявят обвинения в ближайшее время.

«Технолавка»! Он действительно говорит про «Технолаву»...

Как такое возможно? Оуэн считает за честь работать в этой компании. Он так и выразился. Даже согласился на понижение зарплаты, когда решил туда устроиться. Почти все сотрудники, покинув более крупные компании вроде «Гугла» и «Твиттера», отказались от больших денег и получили опционы на акции вместо традиционной компенсации.

Оуэн рассказывал, что они поступили так потому, что верили в технологию, разрабатываемую «Технолавкой». Это же не энергетическая корпорация «Энрон», не стартап-афера в области здравоохранения «Теранос». Они разрабатывают программное обеспечение, которое поможет сделать более приватной интернет-жизнь – люди получают возможность контролировать доступную о них информацию, с легкостью удалять из открытого доступа непристойные изображения и веб-сайты. Компания намеревалась произвести революцию в области защиты личной информации в интернете. При чем тут мошенничество?!

Ведущий переходит к рекламному блоку, а я хватаю айфон и открываю приложение «Новости». Едва я выхожу на сайт Си-эн-эн, как на пороге школы появляется Бейли – на лице странное, не свойственное ей выражение. Она смотрит на меня с отчаянием и надеждой.

Я выключаю радио и убираю телефон. «Защити ее!»

Бейли быстро садится в машину и пристегивается. Ни приветов, ни взгляда в мою сторону.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

Она качает головой, лиловые волосы падают на лицо. Так и жду, что она язвительно спросит: «А по мне не видно?» Однако девочка продолжает молчать.

– Бейли?

– Не знаю, – отвечает она. – Я не понимаю, что происходит...

И тут я замечаю сумку – совсем не ту, с которой она пошла на тренировку. Это большая черная спортивная сумка, и Бейли держит ее на коленях бережно, словно ребенка.

– Что там? – спрашиваю я.

– Посмотри.

Она говорит это таким тоном, что смотреть не хочется. Впрочем, выбора у меня нет. Бейли швыряет сумку мне на колени.

– Ну же, Ханна, открой!

Я расстегиваю молнию, и из сумки сыпятся деньги – сотни стодолларовых купюр, свернутых рулетиком и перевязанных бечевкой. Сколько же их тут?

– Бейли, – шепчу я, – где ты их взяла?

– Папа оставил в моем шкафчике, – отвечает она.

Я смотрю на нее в недоумении, и сердце пускается в галоп.

– С чего ты решила, что это он?

Бейли достает из кармана записку и бросает мне.

– Догадайся с трех раз!

Я беру записку – желтый лист бумаги в линеечку, как и моя. Вторая записка от Оуэна за день. Крупными буквами написано «Бейли» и дважды подчеркнуто.

Бейли!

Я ничего не могу тебе объяснить, прости. Ты знаешь самое главное и обо мне, и о себе. Прошу, помни об этом!

Помоги Ханне. Делай, как она говорит. Она тебя

любит. Мы оба тебя любим.

Ты – моя жизнь!

Папа

Я смотрю на записку, и буквы расплываются. Могу представить, что произошло перед встречей Оуэна с двенадцатилетней футболисткой в щитках. Оуэн мчится по школьным коридорам, подбегает к шкафчикам... Он хотел передать сумку дочери, пока есть такая возможность.

В груди печет, становится нечем дышать.

В критических ситуациях я обычно не теряю присутствия духа. Можно сказать, к этому меня подготовило мое детство. Всего два раза в жизни я чувствовала себя как сейчас: в тот день, когда поняла, что мама не вернется, и в тот день, когда умер дедушка. Словно внутренности рвутся наружу. И я понимаю, что сейчас заблую всю машину...

Так и происходит.

Мы подъезжаем к нашему парковочному месту на пристани. Всю дорогу окна в машине были открыты, и на всякий случай я держу у губ салфетку.

– Тебя еще тошнит? – спрашивает Бейли.

Я качаю головой, пытаюсь убедить и себя, и Бейли.

– Я в норме.

– У меня есть то, что тебе поможет. – Девочка вынимает из кармана косяк и протягивает мне.

– Где взяла?!

– В Калифорнии травка легальна, – заявляет Бейли.

По-вашему, это ответ на мой вопрос? Разве в шестнадцать лет можно курить травку?

Наверное, просто не хочет отвечать. И тут мне приходит в голову, что косяк ей дал Бобби.

Если не вдаваться в детали, Бобби – бойфренд Бейли. Он учится в выпускном классе и вроде бы хороший парень, даже отличник: собирается поступать в Чикагский университет, возглавляет Совет учеников школы, не красит волосы в лиловый цвет. Но Оуэн относится к нему с недоверием. Я бы списала это на гиперопеку, однако Бобби настраивает Бейли против меня. Иногда, проведя с ним какое-то время, она возвращается домой и с порога говорит мне какую-нибудь гадость. Хотя я пытаюсь не принимать это близко к сердцу, Оуэну не всегда удается сдержаться. Пару недель назад они с Бейли крупно поспорили из-за Бобби, и он заявил, что им следует пореже встречаться. Это был единственный раз, когда Бейли одарила отца презрительным взглядом, который обычно достается мне.

– Не хочешь – не бери, – говорит Бейли. – Я просто хочу

помочь.

– Я в порядке, но все равно спасибо.

Она прячет косяк в карман. В общении с Бейли я стараюсь воздерживаться от широких родительских жестов, и она это явно ценит.

Наверное, лучше обсудить проблему с Оуэном – пусть сам решает, отобрать у дочери косяк или оставить... И вдруг я понимаю, что не имею ни малейшего представления, когда он вернется и вернется ли вообще.

– Знаешь что? – говорю я. – Пожалуй, я все-таки возьму.

Бейли закатывает глаза, но косяк отдает. Я сую его в бардачок и беру у нее с колен спортивную сумку.

– Я пыталась их посчитать... – говорит она и смотрит на меня. – В каждом рулетике – по десять тысяч долларов. Добралась до шестидесяти и бросила...

Я поднимаю рассыпавшиеся деньги и застегиваю молнию, чтобы ни Бейли, ни я не заглядывались на баснословную сумму внутри. Шестьсот тысяч долларов по меньшей мере!

– Линн Уильямс перепостила все твиты из «Дейли-Бист» про «Технолавку» и Эйвитта Томпсона. Говорят, что он такой же аферист, как и Мейдофф.

Я быстро пробегаюсь по тому, что знаю: записка Оуэна для меня, спортивная сумка для Бейли. В новостях по радио сообщили о мошенничестве и хищении в особо крупных размерах. Эйвитт Томпсон – преступный гений, создатель аферы, которую я все еще пытаюсь осмыслить.

Чувствую себя так, словно очнулась после кошмара, при-
снившегося в неурочное время – то ли на закате, то ли в пол-
ночь. Поворачиваешься к любимому, и он говорит: это всего
лишь сон, никакого тигра под кроватью нет, ты не удирала
от погони по улицам Парижа, ты не прыгала с небоскреба
Уиллис-тауэр в Чикаго. Твой муж не исчез без всяких объ-
яснений, оставив тебе свою дочь и шестьсот тысяч долларов
наличными...

– Пока у нас нет необходимой информации, – говорю я. –
Даже если «Технолавка» в чем-то замешана или Эйвитт на-
рушил закон, это вовсе не значит, что твой отец причастен.

– Тогда где же он? И откуда взялись эти деньги?!

Бейли кричит на меня, потому что не может накричать на
него. И я ее прекрасно понимаю. Мне хочется сказать, что я
тоже очень зла, только говорить это нужно не ей, а Оуэну.

Я смотрю на девочку, потом отворачиваюсь. Оглядываю
пристань, залив, соседние плавучие дома в этом странном,
маленьком районе. Рядом – освещенная гостиная, мистер
и миссис Ханн сидят на диване бок о бок, смотрят телевизор
и едят мороженое.

Бейли заправляет волосы за уши, и я вижу, что у нее дро-
жит губа. Она никогда не плакала в моем присутствии, и мне
хочется прижать ее к себе. «Защити ее!»

Я отстегиваю свой ремень безопасности, потом тянусь к ее
ремню. Простые движения.

– Пойдем-ка в дом, и я сделаю пару звонков. Наверняка

кто-нибудь знает, где твой отец. Найдем его, и он нам все объяснит.

– Ладно.

Бейли открывает дверь и выходит из машины. Внезапно она оборачивается, смотрит на меня в упор.

– Сейчас придет Бобби. Про папину экспресс-доставку я ему не скажу, но он побудет у нас.

Девочка не спрашивает разрешения – просто ставит меня перед фактом. В любом случае что я могу с ней поделаться?

– Конечно, только посидите внизу, хорошо?

Бейли пожимает плечами, и я понимаю, что большего мне не добиться. Не успеваю я встревожиться еще и из-за этого, как на пристань выезжает машина, ослепляя нас фарами.

Первая мысль: Оуэн! Только бы это был Оуэн! Вторая мысль ближе к реальности, и я замираю. Полиция, наверняка это полиция. Они ищут Оуэна, собирают доказательства его причастности к преступной деятельности компании, хотят выяснить, что мне известно о его работе в «Технолавке»...

Снова не угадала.

Фары гаснут, и я узнаю ярко-синий «Мини Купер» Джул. Моя старинная подруга выскакивает из автомобиля и несется ко мне на полной скорости, широко раскинув руки. Она обнимает нас с Бейли крепко-крепко.

– Привет, мои дорогие!

Бейли тоже ее обнимает. Даже Бейли любит Джул, несмотря на то что это моя подруга. Джул любят все, кому повезло

ее узнать. Она умеет и утешить, и поддержать.

И тут моя подруга говорит такое, что я ожидала услышать от нее в самую последнюю очередь:

– Во всем виновата я!

Думайте что хотите

– До сих пор поверить не могу, – твердит Джул.

Мы сидим на кухне за маленьким столиком и пьем кофе, щедро сдобренный бурбоном. Хрупкая Джул в толстовке оверсайз смахивает на четырнадцатилетнюю девчонку, тайком от родителей налившую себе выпить. Примерно так она выглядела и в старших классах, когда мы с ней познакомились.

Мы с дедушкой только-только переехали из Теннесси в Пикскилл, штат Нью-Йорк, – маленький городок на реке Хадсон. Семья Джул перебралась туда из Нью-Йорка. Хотя ее отец был репортером в «Нью-Йорк таймс», к тому же лауреатом Пулитцеровской премии, Джул нас не задирала. Мы обе пришли устраиваться на подработку в местную службу выгула собак «Счастливчик», и нас обеих взяли. Каждый день мы выводили своих подопечных. Забавное, должно быть, зрелище: две тоненькие девочки в компании полутора десятков шумных собак.

Я пошла в девятый класс государственной школы, Джул устроили в престижную частную школу в нескольких милях от моей. Тем не менее время после занятий мы проводили вместе. Наши жизни были настолько разные, что мы делились абсолютно всем. Джул однажды сравнила нас со случайными попутчиками в самолете. С тех пор как мы выросли,

мало что изменилось. Джул пошла по стопам отца и работает в газете. Она фоторедактор в «Сан-Франциско кроникл», в основном занимается спортивными мероприятиями.

Джул смотрит на меня с тревогой, а я приглядываю за Бейли, прижавшейся к Бобби. Устроились на диване и разговаривают. Вроде бы ничего страшного, однако я и понятия не имею, чего от него ждать! Раньше Бобби приходил к нам лишь в присутствии Оуэна. Под моим присмотром они остались впервые. Хотя я стараюсь делать вид, что не обращаю на них внимания, Бейли чувствует мой взгляд и корчит гримасу. Она встает и демонстративно, со стуком закрывает стеклянную дверь. Мне все равно их видно, но она ясно дала понять, что недовольна.

– Вспомни свои шестнадцать лет, – замечает Джул.

– Мы такими не были!

– Не завидуй, – говорит подруга. – Лиловые волосы – это классно!

Джул собирается плеснуть мне еще виски, я прикрываю чашку рукой.

– Уверена?

Качаю головой.

– Не стоит. Я в порядке.

– Ну, как хочешь. Лично мне помогает.

Джул наливает себе еще и все-таки добавляет мне. Я улыбаюсь, хотя едва прикоснулась к своему напитку. Я слишком напряжена и готова вскочить, ворваться в гостиную, схва-

тить Бейли за руку и притащить на кухню – просто чтобы почувствовать, что на что-то способна.

– Полиция с тобой не связывалась? – спрашивает Джул.

– Пока нет. Интересно, почему никто из «Технолавки» не ломится в дверь и не говорит мне, что делать, когда нагрянет полиция?

– У них есть дела поважнее, – замечает Джул. – Главной целью был Эйвитт, и полиция только что заключила его под стражу.

Подруга водит пальцем по краю кружки. Я смотрю на ее длинные ресницы, высокие скулы и залегшую между бровями складку и вижу, что она здорово нервничает. Так бывает, когда собираешься сказать близкому человеку нечто неприятное. Помню, однажды Джул увидела моего несостоявшегося бойфренда Нэша Ричардса в гриль-баре «Рай-Гриль» целующимся с другой девушкой и плеснула ему лимонадом в лицо. Насчет Нэша я расстроилась куда меньше, чем она думала, потому что мне он не особо нравился, а вот лишиться навсегда любимых бургеров и картошечки фри было очень обидно.

– Рассказывай давай!

Джул поднимает взгляд.

– Что именно?

– Почему ты во всем винишь себя?

Она кивает, собираясь с духом.

– Придя сегодня утром в «Кроникл», я поняла: что-то за-

тевается. Макс летал как на крыльях. Значит, новости плохие. Убийство, импичмент, очередная финансовая пирамида.

– Ваш Макс еще тот проныра.

– Да уж...

Макс – один из немногих журналистов, проводящих расследования, который еще остался в «Кроникл». Хорош собой, умеет втереться в доверие, блестяще владеет словом. И еще он без ума от Джул. Несмотря на горячие заверения в обратном, я подозреваю, что Джул тоже к нему неровно дышит.

– Сегодня Макс так и вился вокруг моего стола, и я поняла: он что-то знает и хочет позлорадствовать. Есть у него приятель по студенческому братству, который работает в Комиссии по ценным бумагам и биржам. Так вот, он сообщил ему про расследование махинаций «Технолавки» и про сегодняшнюю облаву.

Джул умолкает и смотрит на меня.

– ФБР разрабатывала компанию больше года. Вскоре после того, как она вышла на рынок, поступил сигнал, что номинальная стоимость акций завышена обманным путем.

– Джул, я понятия не имею, о чем ты говоришь!

– Это значит, что «Технолавка» поспешила с выходом на рынок. Компания надеялась выпустить новое программное обеспечение в срок, но что-то пошло не так. Они делали вид, что ПО уже есть, в то время как продавать продукт еще не

могли. Чтобы удержать высокую стоимость акций, они начали фальсифицировать свои финансовые отчеты.

– Каким образом?

– Компания выпускала и другое ПО – их, так сказать, хлебный бизнес, однако программное средство для обеспечения безопасности и приватности в интернете, революционный продукт, которым так хвастался Эйвитт, еще не был готов. Начать продажи они не могли, но демоверсия для крупных потенциальных покупателей уже вышла. Технологические фирмы, адвокатские бюро и прочие проявили интерес, и тогда «Технолавка» оформила эти сделки как долгосрочные фиксированные обязательства. Макс говорит, что примерно тем же занималась корпорация «Энрон». Они заявляли, что используют доход от будущих продаж, чтобы поддерживать рост цен на свои акции.

Я начинаю понимать, к чему она ведет.

– Чтобы выиграть время для устранения неполадок ПО? – спрашиваю я.

– Именно. Эйвитт сделал ставку на то, что будущие продажи превратятся в фактические, как только ПО станет функциональным. Фальсификация финансовых показателей – временная мера, чтобы цены на акции могли продержаться до тех пор, когда они доведут продукт до ума. Вот только их поймали до того, как они успели все исправить.

– В этом и заключалось мошенничество? – спрашиваю я.

– Да. Макс говорит, что держатели акций потерпели

огромные убытки – полмиллиарда долларов.

Полмиллиарда долларов... В голове не укладывается! Де-нежная сторона – это меньшая из моих забот, но мы с мужем – крупные акционеры «Технолавки». Оуэн доверял компании, на которую работал, поэтому сохранил все свои опционы на акции и даже купил еще акций. Сколько же мы потеряем? Почему он поставил нас в такое положение, если знал, что дело нечисто? Разве стал бы Оуэн рисковать нашим будущим? Похоже, он и сам был не в курсе.

– Значит, если Оуэн вложил наши деньги в «Технолавку», то он сам ни при чем?

– Возможно, – уклончиво отвечает Джул.

– Ты считаешь иначе?

– Велика вероятность, что он следовал указаниям Эйвита. Или купил акции, чтобы помочь завысить их стоимость, а сам надеялся продать до того, как все откроется.

– Разве это похоже на Оуэна? – спрашиваю я.

– Ничуть.

Джул пожимает плечами, и я понимаю, о чем она умолчала: Оуэн – главный программист компании. Разве он мог не знать, что Эйвитт завышает ценность продукта, над которым работает и который еще не функционален?

– Макс говорит, что ФБР считает виновными почти всех руководителей компании. Либо же они смотрели на эти махинации сквозь пальцы и надеялись, что недостатки ПО удастся устранить до того, как их поймают. Похоже, они бы-

ли близки к успеху. Если бы не донос в Комиссию по ценным бумагам, то все сошло бы им с рук.

– Кто же их сдал?

– Понятия не имею. Эйвитт собирался бежать: он несколько месяцев потихоньку распродал свои акции. Еще немного, и он исчез бы, прихватив двести шестьдесят миллионов долларов...

– Твою мать!..

– Да уж. В любом случае Макс узнал об облове заранее, поэтому ФБР пришлось заключить с ним сделку. Если он согласится не публиковать материал, до того как всех накроют, ему дадут два часа форы. В результате «Кроникл» опередил всех – и «Таймс», и Си-эн-эн, и Эн-би-си, и «Фокс». Он был так горд собой, что не мог не поделиться со мной. Не знаю, Ханна... Первым делом мне захотелось позвонить Оуэну. Точнее, сначала я набрала твой номер, но не дозволилась. И тогда я связалась с Оуэном.

– Чтобы предупредить?

– Ну да, конечно.

– Так почему ты чувствуешь себя виноватой? Из-за его бегства?

Я впервые произношу это вслух. Вот она, очевидная истина. И все же мне становится легче. По крайней мере я больше не лгу себе. Оуэн сбежал, а не просто ушел.

Джул кивает, и я с трудом глотаю ком в горле, стараясь не расплакаться.

– Ты не виновата, – говорю я. – Ты ведь могла потерять работу! Ты пыталась помочь. Зачем мне на тебя сердиться? Я злюсь на Оуэна. – Умолкаю и задумываюсь. – Нет, не совсем так. Я просто в шоке. Пытаюсь понять, что он думает, почему не понимает, как вредит ему этот побег.

– И что надумала?

– Не знаю. Может, сейчас он пытается доказать свою невиновность? Почему бы не остаться и не нанять адвоката? Система сама разберется, кто прав, а кто виноват... Понимаешь, Джул, у меня такое чувство, будто я что-то упускаю!

Подруга крепко сжимает мою руку и улыбается, но я вдруг осознаю: мы смотрим на проблему с разных углов. Джул явно недоговаривает! Самое худшее еще впереди.

– Я знаю этот взгляд...

Она качает головой.

– Тебе показалось.

– Говори, Джул.

– Дело в том, что он ничуть не удивился. Понимаешь, когда я рассказала ему об облаве, он знал!

– Что-то я не догоняю.

– Я научилась этому у папы. Осведомители не могут скрыть, если им что-то известно. Они забывают задавать очевидные вопросы, как ты, к примеру. Помнишь, ты спросила у меня, что именно случилось?..

Я жду продолжения и смотрю сквозь стеклянную дверь на Бейли. Она положила голову Бобби на грудь, руку – на

живот, глаза закрыла.

«Защити ее!»

– Если бы Оуэн не знал про махинации, то потребовал бы у меня больше информации. Ему захотелось бы понять, что творится в «Технолавке». Он сказал бы что-нибудь вроде: постой, Джул, кого они считают виновным? Эйвитт занимался этим в одиночку или привлек еще кого-нибудь? Что именно случилось, сколько денег украдено? Но он ничего такого не спросил. Его интересовало другое.

– Так что же он хотел знать?

– Сколько у него осталось времени.

Двадцать четыре часа назад

Мы с Оуэном сидели на причале и ели тайскую еду навынос, запивая ледяным пивом. Он был в толстовке и джинсах, босиком. На небе висел тонкий месяц. Несмотря на ночную прохладу, Оуэн ничуть не мерз, в отличие от меня – я закуталась в плед, надела две пары носков и сапоги-дутики.

Мы ели салат из папайи и острое карри с лаймом. Оуэн утирал слезы – перец чили оказался для него слишком жгучим.

Я подавила усмешку.

– Если тебе не по силам, давай в следующий раз закажем карри без перца.

– Очень даже по силам, – отмахнулся муж. – Если справишься ты, то и я могу.

Он сунул в рот еще кусочек, покраснел, пытаясь проглотить, схватил пиво и выпил залпом.

– Видишь?

– Конечно, – кивнула я и его поцеловала.

Когда я отстранилась, Оуэн улыбнулся и погладил меня по щеке.

– Как думаешь, мы поместимся под пледом вдвоем?

– Обязательно.

Я придвинулась ближе и накинула плед ему на плечи, чувствуя жар его тела. Даже босиком Оуэн был градусов на де-

сать теплее, чем я.

– Ну, рассказывай, что тебе понравилось сегодня больше всего?

В те дни, когда мы возвращались домой поздно и совсем без сил, мы рассказывали друг другу о чем-нибудь хорошем – делились впечатлениями из своих таких разных жизней.

– Знаешь, мне пришла отличная идея, как побаловать Бейли, – сказала я. – Помнишь пасту с коричневым маслом, которую мы заказывали в «Поджио» на ее день рождения? Завтра я хочу попробовать приготовить такую же на ужин. Как полагаешь, ей понравится?

Он крепче обнял меня за талию.

– Понравится паста или ты? Думаешь, твои кулинарные эксперименты помогут ей тебя полюбить?

– Эй, полегче!

– Бейли с тобой повезло, и ей придется это признать.

– Откуда ты знаешь?

Оуэн пожал плечами.

– Знаю, и все.

Я промолчала, потому что верилось с трудом. Я хотела, чтобы он помог нам с Бейли сблизиться, однако понятия не имела, что тут можно поделать. По крайней мере я ждала от мужа слов ободрения.

Словно прочтя мои мысли, он отвел волосы с моего лица и поцеловал в шею.

– Впрочем, паста Бейли очень понравилась, так что ты удачно придумала.

– О чем я и говорю!

Оуэн улыбнулся.

– Могу удрать завтра с работы пораньше. Ты ведь наверняка подыскиваешь кого-нибудь на должность су-шефа?

– Конечно.

– Тогда можешь рассчитывать на меня, – заверил он. – Я готов.

Я положила голову ему на плечо.

– Спасибо. Теперь твоя очередь.

– Самое лучшее, что случилось со мной за день? – уточнил Оуэн.

– Да. И чур не увиливай: ответ «то, что происходит прямо сейчас» не прокатит!

Он рассмеялся.

– Плохо же ты меня знаешь! Я вовсе не собирался этого говорить.

– Да ладно?

– Вот и ладно!

– Так что ты хотел сказать?

– Лучший момент за день случился минуту назад, – заявил Оуэн. – Без пледа мне было слишком холодно!

Следуй за деньгами

Джул просидела у меня до двух часов ночи. Она предлагала остаться, и зря я не согласилась, наверное, потому что уснуть мне так и не удастся.

Большую часть ночи я лежу без сна, не в силах войти в пустую спальню.

Я заворачиваюсь в старый плед и дожидаясь рассвета, снова и снова прокручивая в голове последнюю фразу Джул.

Мы стояли на пороге, на прощание обнявшись.

– И вот еще что, – сказала она. – Ты сохранила свой банковский счет?

– Да, – ответила я.

– Хорошо. Очень хорошо.

Джул одобрительно улыбнулась, и я не стала добавлять, что поступила так по настоянию Оуэна. Именно он хотел, чтобы мы хранили свои деньги отдельно. Причину он так и не озвучил. Я думала, это связано с Бейли. Похоже, я ошибалась. Он заботился о сохранности моих средств.

– Все счета Оуэна наверняка заморозят, – пояснила Джул. – Это первое, что делают, когда пытаются выяснить, куда он делся и что знал. Всегда следуют за деньгами.

Значит, и я займусь тем же.

Меня подташнивает, стоит лишь подумать о спортивной сумке под кухонной раковиной – сумке, набитой деньгами,

которые никто не сможет отследить. Я не стала рассказывать Джул, потому что знаю, как это воспримет любой разумный человек: Оуэн виновен. Джул и так считает его причастным, а таинственная сумка с деньгами убедит ее еще больше. Она относится к нему как к брату, однако все указывает на то, что Оуэн замешан: он сбежал, он вел себя подозрительно, разговаривая с Джул по телефону. Все против него.

За исключением того, что я знаю.

Он не стал бы убежать, будь он виновен. Он не стал бы спасаться бегством, чтобы не попасть в тюрьму или не смотреть мне в глаза. Он ни за что не бросил бы Бейли, если бы ему не пришлось. Откуда я знаю? Почему я верю себе больше, чем всем доводам рассудка, в то время как я наверняка предвзята и вижу лишь то, что хочу видеть?

Отчасти дело в том, что я всю жизнь хотела научиться разбираться в людях. Я наблюдаю за близкими очень внимательно. Когда мать ушла навсегда, ей удалось застигнуть меня врасплох. Я пропустила неминуемость ее отъезда. А ведь могла бы и сообразить! Она столько раз выскальзывала вечером за дверь и оставляла меня с дедушкой. Она столько раз отсутствовала целыми днями или неделями, отделяясь редкими звонками. Навсегда она ушла тоже без малейшего предупреждения. Присела на край кровати, убрала мои волосы с лица и сказала, что уезжает с папой в Европу. Она пообещала, что мы обязательно увидимся. Я подумала, что мама вернется скоро – она постоянно уезжала и возвраща-

лась. Увы, я поняла ее неправильно. «Обязательно увидимся» означало, что она не вернется никогда – по крайней мере не вернется в мою жизнь. Впредь мы виделись пару раз в году и то где-нибудь в кафе. Я ее потеряла.

Я упустила из виду вот что: матери было на меня плевать. И я поклялась себе, что больше никогда не допущу такой ошибки.

Не знаю, виновен Оуэн или нет. До чего же бесит, что он оставил меня разбираться в одиночку! Но я твердо знаю, что ему не все равно. Я знаю, что он меня любит. Более того, я знаю, что он любит Бейли.

Оуэн мог сбежать лишь ради нее. Так вот в чем дело! Он исчез, чтобы спасти дочь. Не знаю только, от чего или от кого. Все сводится к Бейли. Остальное – просто мои домыслы.

Сквозь окна гостиной струится мягкий желтый свет, отражающийся в водах гавани. Я рассеянно смотрю вдаль. Мне ни к чему включать телевизор или искать новости в Сети. Самое главное и так известно: Оуэна все еще нет.

Иду наверх, чтобы принять душ, и с удивлением вижу, что дверь в комнату Бейли открыта. Девочка сидит в кровати.

– Приветик! – говорю я.

– Привет, – отвечает она, подтягивая колени к груди.

Вид у Бейли испуганный, хотя она и пытается бодриться.

– Можно заглянуть к тебе на секунду?

– Конечно, заходи.

Я уверенно сажусь на край кровати, словно делаю это не в первый раз.

– Ты вообще спала?

– Не особо.

Сквозь простыни виднеются очертания сжатых пальцев ног. Я протягиваю руку, потом решаю ее не трогать. Складываю руки в замок и оглядываюсь. Прикроватный столик завален книгами про театр и пьесами. Сверху стоит синяя свинья-копилка, которую Оуэн выиграл на школьной ярмарке вскоре после переезда в Сосалито. Это свинка-девочка с розовыми щечками и бантиком на макушке.

– Я тут все думаю и думаю, – говорит Бейли. – Понимаешь, папа никогда ничего не усложняет. По крайней мере между нами. Так объясни, пожалуйста, что он имел в виду в своей записке.

– Ты о чем?

– «Ты знаешь самое главное и обо мне, и о себе...» Что это значит?

– Думаю, он имеет в виду, что очень сильно тебя любит, – предполагаю я. – И что он хороший человек, что бы о нем ни говорили.

– Нет, Ханна, не то! Я его знаю, он имел в виду что-то другое!

– Ладно... – Я делаю глубокий вдох. – Например? Бейли мотает головой.

– И как мне поступить с деньгами, которые он мне оставил? – восклицает она. – Такую громадную кучу денег дают, когда не собираются возвращаться.

При мысли об этом я холодею.

– Твой папа обязательно вернется!

На лице Бейли сомнение.

– Откуда ты знаешь?

Я пытаюсь придумать что-нибудь утешительное. К счастью, ответ приходит сам собой.

– Потому что ты здесь.

– Тогда почему здесь нет его? – спрашивает Бейли. – Почему он смылся?

Такое чувство, что она и не ищет ответа. Любой мой ответ Бейли принимает в штыки. Несмотря на все доводы рассудка, я злюсь на Оуэна, который поставил меня в такое положение. Умом я понимаю, что у мужа есть веские причины находиться подалеже отсюда – он пытается защитить Бейли. Но я сижу тут без него и схожу с ума! Разве не то же самое случилось с моей матерью? Мы обе слишком доверяли своему мужчине, ставили его превыше всего остального и считали это любовью... Что хорошего в любви, если заканчивается все вот так?

– Послушай, – говорю я, – сейчас тебе пора собираться в школу.

– Какая тут школа?! Ты серьезно?

Отчасти Бейли права, я несу чушь. Как я могу сказать то, что должна? Я звонила ее отцу десятки раз и не знаю, куда он пропал. И понятия не имею, когда он к нам вернется.

Бейли выбирается из постели и идет в ванную навстречу отвратительному дню. Нам обеим сегодня придется несладко. Я готова остановить ее и отправить обратно в постель, но разве так будет лучше? Пусть выберется из дома, сходит на занятия и забудет про отца хотя бы ненадолго!

«Защити ее».

– Я тебя отвезу. Не хочу, чтобы сегодня ты шла в школу одна.

– Мне без разницы.

Похоже, Бейли устала спорить. Хоть в этом повезло...

– Я уверена, папа скоро даст о себе знать и все прояснится.

– Ах, ты уверена? – вскидывается Бейли. – Какое облегчение!

Несмотря на ее сарказм, я вижу, насколько она устала, как ей одиноко. Эх, вот мой дедушка точно придумал бы, как утешить Бейли! Я чувствовала его любовь и знала, что могу ему доверять. После ухода матери я много месяцев порывалась написать ей письмо, плакала и злилась. Мне было страшно. Никогда не забуду того, что сделал дедушка. Он вошел в комнату прямо в комбинезоне и толстых рифленых

перчатках, которые недавно купил для работы, причем специально выбрал лиловые, потому что я обожала этот цвет. Он снял перчатки, сел на пол рядом со мной и помог закончить письмо именно так, как мне хотелось. Подсказал, как пишутся сложные слова, подождал, пока я придумаю последнюю фразу. Затем он прочитал мне, что получилось, чтобы я услышала, как оно звучит, и сделал паузу, добравшись до предложения, где я спрашивала мать, как она могла меня бросить. «Может, это не единственный вопрос, который нам стоит задать, – заметил дедушка. – Может, нам стоит подумать о том, хотим ли мы, чтобы было иначе. А вдруг она сделала нам большое одолжение?..» Я посмотрела на него, начиная понимать, к чему он ведет. «В конце концов твоя мама отдала тебя мне...»

Ничего более великодушного и утешительного даже представить нельзя! Что бы дедушка сказал в утешение Бейли? Когда я пойму, как лучше это сделать?

– Послушай, Бейли, я очень стараюсь. Прости меня! Знаю, я постоянно говорю невпопад!

– Радуется, что ты хотя бы это понимаешь, – заявляет она, закрываясь в ванной.

Помощь на подходе

Когда решилось, что я перееду в Сосалито, мы с Оуэном обсудили, как это сделать максимально безболезненным для Бейли. Я была убеждена, причем даже больше Оуэна, что нельзя вырывать Бейли из единственного дома, в котором она прожила сколько себя помнит. Я хотела, чтобы в ее жизни сохранялось постоянство. Плавающий дом с деревянными балками и огромными окнами с видом на гавань и пристань Айсаква – ее зона безопасности.

Теперь я задаюсь вопросом, не усугубило ли это ситуацию: в ее любимый дом переехала чужая женщина.

И все же я изо всех сил пыталась не нарушить баланс. Конечно, я оставила след в нашей с Оуэном спальне, но единственная комната, которую я изменила, даже комнатой не считается. Я обставила крыльцо, огибавшее всю переднюю часть дома. До меня оно было совершенно пустым, и я разместила на нем цветы в горшках и чайные столики в деревенском стиле. И еще я изготовила прекрасную скамью-качели из белого дуба, положила на сиденье полосатые подушки и поставила ее возле входной двери.

У нас с Оуэном появился субботне-воскресный ритуал: сидеть на скамье вдвоем и пить утренний кофе. Мы наверстываем упущенное за рабочую неделю, наблюдая, как над заливом Сан-Франциско встает солнце, и нежась в его теп-

лых лучах. Во время этих бесед Оуэн куда бодрее, чем в будни, – груз забот не тяготит, новый день обещает лишь приятное расслабление.

Отчасти поэтому скамейка меня так радует – мне даже мимо нее пройти приятно. По той же причине я едва не подпрыгиваю, когда выхожу наружу вынести мусор и замечаю сидящего на ней незнакомца.

– День вывоза мусора? – интересуется он.

Я резко оборачиваюсь и вижу мужчину, развалившегося на скамье с хозяйским видом. На нем ветровка и надетая козырьком назад бейсболка, в руках – стаканчик кофе.

– Могу я вам помочь?

– Надеюсь. – Он жестом указывает на мои руки. – Хотя сначала лучше закончить с делом.

Опускаю взгляд и вижу в руках два увесистых мешка с мусором. Бросаю их в баки, оглядываюсь и внимательно смотрю на незнакомца. Он молод – лет тридцати с небольшим, внешность у него вполне располагающая: темные глаза, волевой подбородок, почти красавчик. Впрочем, улыбка его выдает: он прекрасно соображает, что к чему.

– Ханна, я полагаю? Приятно познакомиться.

– Кто вы такой, черт возьми?

– Я – Грейди.

Он берет зубами стаканчик и смотрит на меня, потом тянется к карману, достает какую-то штуку, похожую на значок копа, и протягивает мне.

– Грейди Бредфорд. Зовите меня просто Грейди или помощник шерифа Бредфорд, хотя для наших с вами целей это звучит слишком официально.

– И что у нас за цели?

– Дружеские, – говорит он и улыбается. – Дружеские цели.

Я изучаю значок. Серебристая звезда в кольце. Мне хочется провести пальцем по кольцу, потрогать звезду, словно это поможет определить, настоящий он или поддельный.

– Вы – офицер полиции?

– Вообще-то федеральный маршал.

– Что-то вы не похожи на маршала, – говорю я.

– И как же, по-вашему, должен выглядеть маршал?

– Как Томми Ли Джонс в фильме «Беглец», – отвечаю я.

Он смеется.

– Вы правы, я моложе многих своих коллег, но мой дедушка тоже был маршалом, поэтому начал я рано, – поясняет Грейди. – Уверяю вас, все вполне законно.

– И чем вы занимаетесь в этой Службе федеральных маршалов?

Он забирает у меня значок и встает. Скамейка начинает раскачиваться, освободившись от его веса.

– В основном ловлю людей, которые обманывают правительство США.

– Думаете, обманывает мой муж?

– Думаю, что обманывает «Технолавка». Я не считаю вашего мужа виновным, хотя мне и нужно с ним поговорить,

чтобы надлежащим образом оценить его причастность. К сожалению, он пока от беседы уклоняется.

И тут я понимаю, что Грейди не вполне искренен – по крайней мере в том, что касается причины его визита.

– Можно еще раз взглянуть на значок?

– Пять один два, пять-пять-пять, пять три девять.

– Это номер значка?

– Телефонный номер моего отделения. Если хотите – позвоните, и там подтвердят мою личность. Мне нужна лишь пара минут вашего времени.

– Разве у меня есть выбор?

Он улыбается.

– Выбор есть всегда. Я буду очень благодарен, если вы со мной поговорите.

Похоже, деваться некуда. Не знаю, нравится мне этот манерно-медлительный Грейди Бредфорд или нет. Впрочем, мне вряд ли понравился бы любой, кто пришел задавать вопросы про Оуэна.

– Что скажете? Я подумал, что мы могли бы немного прогуляться.

– С чего мне с вами гулять?

– Денек погожий. И еще я принес вам кофе!

Он достает из-под скамьи-качалки второй стаканчик – обжигающе-горячий кофе от «Фреда». На боку большими черными буквами написано: «побольше сахара» и «чутьочку корицы». Грейди принес мне не просто кофе. Грейди принес

мне именно тот, что я люблю.

Я вдыхаю аромат, делаю глоток. Первое приятное впечатление с тех пор, как началась вся эта кутерьма.

– Откуда вы знаете, какой я люблю?

– Мне помог официант по имени Бенджи. Он сказал, что по выходным вы с Оуэном пьете у него кофе. Оуэн берет черный, вы – с корицей.

– Это взятка!

– Только в том случае, если ничего не выйдет, – усмехается Грейди. – Иначе это просто стаканчик кофе.

Я смотрю на него и делаю еще один глоток.

– Пойдем по солнечной стороне?

Мы покидаем пристань и идем по дорожке, ведущей в центр; вдали проглядывает частная гавань Вальдо-Пойнт.

– Значит, от Оуэна никаких вестей? – допытывается Грейди.

Я вспоминаю вчерашний прощальный поцелуй у машины, медленный и страстный. Оуэн ничуть не был встревожен, он улыбался.

– Нет. Я не видела его с тех пор, как он уехал на работу.

– Он не звонил?

Я качаю головой.

– Обычно он звонит вам с работы?

– Да.

– Но не вчера?

– Может, муж и пытался до меня дозвониться, не знаю. Я отправилась на рынок в Ферри-Билдинг в Сан-Франциско, и там полно мертвых зон, так что...

Грейди кивает, ничуть не удивившись, словно ему уже все известно.

– Что случилось, когда вы вернулись? – спрашивает он. – После поездки на рынок?

Я делаю глубокий вдох и долго размышляю. Сказать правду или нет? Не знаю, как он воспримет рассказ о двенадцатилетке в футбольной форме и записке для меня, а потом и для Бейли, оставленной в школе, что подумает про сумку с деньгами... Нет, пока не разберусь сама, не стану рассказывать человеку, которого едва знаю.

– Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, – говорю я. – Приготовила ужин для Бейли, ей не понравилось, и она уехала на тренировку. Я услышала о «Технолавке» в новостях, пока ждала на школьной парковке. Мы приехали домой. Оуэн не вернулся. Уснуть мы так и не смогли.

Грейди склоняет голову набок, глядя на меня с недоверием. Осуждать его трудно – он и не должен верить мне на слово. Впрочем, Грейди решает не заострять на этом внимание.

– Сегодня утром он тоже не звонил? Не писал?

– Нет.

Грейди молчит, словно размышляет над внезапно пришедшей ему идеей.

– С ума можно сойти, когда человек исчезает ни с того ни с сего, правда?

– Ну да, – соглашаюсь я.

– И все же... вид у вас вполне спокойный.

Я останавливаюсь. Да как он вообще смеет судить о моих чувствах?! Что он себе вообразил?

– Простите, не знала, что есть надлежащие нормы поведения на случай, если в компании твоего мужа устроили обыск, а сам он исчез! – вспыхиваю я. – Еще что-нибудь не так?

Он задумывается.

– Вряд ли.

Я смотрю на его безымянный палец. Обручального кольца нет.

– Насколько я понимаю, вы не женаты?

– Нет, – отвечает Грейди. – Постойте, вы имеете в виду сейчас или вообще?

– А это важно?

Он улыбается.

– Нет.

– Так вот, будь вы женаты, то поняли бы: больше всего я волнуюсь за мужа!

– Бойтесь за его жизнь?

Я думаю про записки Оуэна, про деньги. Вспоминаю девочку-футболистку, столкнувшуюся с ним в школьном коридоре, разговор Оуэна с Джул. Он знал, куда едет. Он знал, что ему нужно убраться отсюда подальше.

– Я не считаю, что его удерживают против воли, если вы об этом.

– Не совсем.

– Так что же вы хотите знать, Грейди?

– Грейди – мне нравится. Я рад, что теперь мы на дружеской ноге.

– Что вы хотите знать?

– Вы остались одна разгребать проблемы, не говоря уже про заботу о его дочери, – замечает он. – Лично я бы здорово разозлился. Это наводит меня на мысль, что вы знаете нечто, о чем не хотите мне говорить...

Его тон становится напряженным, глаза темнеют – теперь передо мной настоящий следователь, и я внезапно оказываюсь по другую сторону черты, которую он проводит между собой и подозреваемыми.

– Если Оуэн рассказал вам, куда уехал и почему, то вы обязаны сообщить мне. Это единственный способ его защитить.

– Значит, ваш основной интерес в том, чтобы его защитить?

– В общем-то, да.

Похоже на правду, и меня это здорово тревожит.

– Мне пора домой.

Я порываюсь уйти, потому что близость Грейди Бредфорда выбивает меня из колеи.

– Вам понадобится адвокат.

Я резко оборачиваюсь.

– Зачем?!

– Проблема в том, что вам будут задавать массу вопросов об Оуэне – по крайней мере до тех пор, пока он не объявится. Отвечать на них вы не обязаны, но без адвоката вам придется нелегко.

– Я могу просто сказать правду: понятия не имею, где Оуэн. Мне скрывать нечего!

– Все не так просто, Ханна. Некоторые будут делать вид, что они на вашей стороне и хотят помочь, но это не так. У них свой интерес.

– Вы про следователей?

– Ну да, – отвечает он. – Кстати, сегодня я озабочился звонком Томасу Шелтону, своему старинному приятелю, который занимается семейным правом в штате Калифорния. Я лишь хотел убедиться, что вы будете под защитой на случай, если внезапно объявятся желающие взять временную опеку над Бейли. Томас подергает за ниточки и сделает так, что опекунство достанется вам.

Я не в силах сдержать вздох облегчения. Мне уже приходило в голову, что я могу потерять опеку над Бейли, если вся эта неразбериха не разрешится в ближайшее время. Кроме

отца, близких родственников у нее нет, бабушка с дедушкой умерли. Но мы с ней не в кровном родстве, и я ее не удочерила. В принципе, Бейли могут забрать у меня в любое время, по крайней мере пока не выяснят, куда подевался ее единственный законный опекун.

– У него есть на это полномочия? – спрашиваю я.

– Да, и он вам поможет.

– Почему?

Грейди пожимает плечами.

– Потому что я его попросил.

– Зачем вам просить за нас?

– Чтобы вы мне доверяли, когда я попрошу вас вести себя тише воды ниже травы и нанять адвоката. Есть кто-нибудь на примете?

Я вспоминаю единственного знакомого адвоката. Разговаривать с ним совсем не хочется, особенно сейчас.

– К сожалению, да, – отвечаю я.

– Отлично! Позвоните ему и ведите себя тише воды...

– Вам что, нравится это повторять? – вскидываюсь я.

– Нет, не очень. – Внезапно на лице Грейди появляется улыбка. – В течение суток Оуэн не пользовался ни кредиткой, ни чековой книжкой. Ваш муж слишком умен, так что можете ему зря не звонить – от телефона он уже избавился.

– Тогда почему вы спрашивали, звонил он мне или нет?

– Он мог воспользоваться одноразовым телефоном, – отвечает Грейди. – Их нелегко отследить.

Одноразовый телефон, бумажный след... Послушать Грейди, так Оуэн – прямо гений преступного мира!

Он нажимает кнопку на брелоке сигнализации, и машина на противоположной стороне мигает фарами.

– Не стану вас задерживать, вам наверняка есть чем заняться. Если Оуэн выйдет на связь, передайте, что я могу ему помочь, если он пожелает принять мою помощь.

И он протягивает мне салфетку от «Фреда», где написано имя, Грейди Бредфорд, и два телефонных номера, один из которых помечен как сотовый.

– Вам я тоже могу помочь.

Я кладу салфетку в карман и смотрю, как он пересекает улицу и садится в машину. Собираюсь уходить, и тут мне кое-что приходит в голову.

– Погодите! Вы о чем?

Он опускает стекло.

– Я помогу вам справиться с возникшей ситуацией. Кстати, это самое простое.

– А что тогда самое сложное?

– Оуэн не тот, кем вы его считаете, – заявляет Грейди Бредфорд и уезжает.

Они тебе не друзья

Я забегаю домой лишь за ноутбуком Оуэна.

Не собираюсь сидеть и размышлять о том, что наговорил Грейди. И о том, чего он не сказал, что беспокоит меня гораздо больше. Откуда ему столько известно про Оуэна? Похоже, Эйвитт не единственный, за кем они следили весь год. А вдруг Грейди строит из себя хорошего парня – помогает с опекуном над Бейли, раздает советы, – чтобы я допустила промах и выболтала ему что-нибудь про Оуэна?

Была ли я осторожна? Пожалуй, да. И все же я больше не стану рисковать ни в беседе с Грейди, ни с кем еще. Сперва выясню, что происходит с Оуэном.

Я сворачиваю влево и иду к своей мастерской.

Сначала нужно зайти домой к друзьям Оуэна. Мне не очень приятно с ними встречаться, но если кто и знает, что я упустила, так это Карл.

Карл Конрад – лучший друг Оуэна в Сосалито. И один из немногих людей, насчет которого мы с Оуэном расходимся во мнениях. Оуэн считает, что я к нему несправедлива, и отчасти прав. Карл забавный, умный и принял меня сразу, как только я перебралась в Сосалито. Увы, он изменяет же не, и мне неприятно знать об этом. Оуэн тоже не одобряет его поведение, однако говорит, что старается не заострять на этом внимания, ведь Карл – замечательный друг.

Уж таков Оуэн. Своего друга он больше ценит, чем судит. Впрочем, может, не судит его потому, что Карл отвечает тем же и хранит тайну Оуэна.

Даже если я ошибаюсь, нам нужно поговорить: Карл – единственный адвокат в городе, которого я знаю.

Стучу в переднюю дверь, никто не открывает. Странно, ведь Карл работает дома! Он любит находиться рядом с детьми – у него двое малышей, у которых сейчас дневной сон. Карл с Пэтти – ярые сторонники соблюдения режима дня. Пэтти прочла мне об этом целую лекцию в первый же вечер нашего знакомства. Накануне она отпраздновала свой двадцать восьмой день рождения, что и придало ее нотациям особенно назидательный характер. Если я еще способна иметь детей – именно так она и выразилась, – мне ни в коем случае нельзя позволять им верховодить. Я должна показать, кто в доме главный. Значит, нужно соблюдать режим дня. В ее случае – дневной сон в двенадцать тридцать. Сейчас без четверти час. Если Карла нет, то где же Пэтти?

Сквозь жалюзи в гостиной я вижу, что Карл дома. Он подглядывает в щелочку и ждет, когда я уйду. Снова стучу в дверь, жму на кнопку звонка. Я готова трезвонить хоть до вечера, пока меня не впустят. К черту дневной сон!

Карл распахивает дверь. В руке – пиво, волосы аккуратно расчесаны. Я сразу понимаю: что-то не так. Обычно прическа у него небрежная, потому что Карл считает это сексуальным. В глазах – странное сочетание возбуждения, страха

и чего-то еще, чему я не могу подобрать названия.

– Какого черта ты прячешься, Карл?!

– Ханна, уходи, – сердито говорит Карл.

Почему он сердится?

– Я на минутку.

– Не сейчас, мне некогда!

Он пытается закрыть дверь, но я не даю. Мой напор поражает нас обоих; дверь выскальзывает у него из рук и открывается шире.

И тогда я вижу Пэтти. Она стоит в проеме гостиной с малюткой Сарой на руках, и обе наряжены в узорчатые платья, темные волосы заплетены в косички. Одинаковая одежда и прически недвусмысленно свидетельствуют о том, что, глядя на дочь, люди должны понимать: это столь же презентабельная, хотя и уменьшенная копия ее матери.

Позади них, в гостиной, с десятков родителей с грудничками наблюдают за клоуном, который делает из воздушных шариков зверушек. Над их головами висит растяжка: «С днем рождения, Сара!»

Вечеринка в честь второго дня рождения дочери. Совсем из головы вылетело! Мы с Оуэном должны были прийти и праздновать со всеми, а теперь Карл даже дверь не хочет открывать.

Пэтти смущенно машет.

– Приветтики...

Я тоже машу рукой.

– Привет.

Карл снова поворачивается ко мне.

– Поговорим позже, – решительно заявляет он.

– Извини, Карл, я забыла. Иначе бы не пришла посреди детского праздника...

– Проехали. Просто уходи.

– Я-то уйду, конечно, а ты выйди, пожалуйста, и пару минут со мной поговори. Я не стала бы тебя дергать, только это очень срочно! Кажется, мне понадобится адвокат. В «Технолавке» кое-что произошло...

– Думаешь, я не знаю? – спрашивает он.

– Тогда почему не хочешь поговорить?

Прежде чем он успевает ответить, Пэтти подходит к нам и вручает ему Сару. Затем она смачно целует мужа. Показуха для него, для меня, для гостей.

– Привет! – говорит она и чуть касается моей щеки губами. – Рада, что ты смогла к нам вырваться.

Я понижаю голос.

– Пэтти, прости, что нагрязнула посреди праздника, но с Оуэном случилось неладное!

– Карл, – говорит Пэтти, – давай-ка выведем всех на задний двор. Пора есть мороженое!

Она смотрит на гостей и выдает широкую улыбку.

– Идите с Карлом, мои дорогие! И вы тоже, мистер Глупыш, – обращается она к клоуну. – Вас ждет мороженое!

Тогда и только тогда она снова поворачивается ко мне.

– Поговорим снаружи.

Пэтти выталкивает меня на крыльцо и прикрывает крепкую красную дверь. Оставшись со мной наедине, она миготом стирает улыбку с лица и яростно сверкает глазами.

– Да как ты посмела к нам явиться?!

– Прости, я забыла про детский праздник.

– К черту праздник! – восклицает она. – Твой Оуэн ужасно поступил с Карлом!

– В смысле?.. – не понимаю я.

– Вот уж не знаю. Может, это как-то связано с тем, что он украл все наши сбережения?

– О чем ты?..

– Оуэн не сказал тебе, что убедил нас купить акции «Технолавки»? Заставил Карла вложиться в новое программное обеспечение, пообещав огромную прибыль. Только вот забыл упомянуть, что ПО не работает!

– Пэтти, послушай...

– И теперь все наши деньги в акциях «Технолавки»! Точнее, то, что осталось от наших денег, потому что акции упали до тринадцати центов!

– Пэтти, мы тоже в них вложились. Если Оуэн знал, то зачем он так поступил?

– Может, не думал, что их поймают. Или он просто чертов придурок! Понятия не имею. Но если ты сию же минуту не уберешься из моего дома, то я вызову копов! Я не шучу, Ханна. Видеть тебя больше не желаю!

– Карл поможет мне найти Оуэна, и тогда все прояснится.

– Если ты пришла не для того, чтобы оплатить колледж нашим детям, то говорить нам не о чем!

Не уверена, стоит ли отвечать, но и отпустить ее так просто я не могу. Судя по взгляду Карла, он явно что-то знает.

– Пэтти, успокойся, пожалуйста. Я тоже брожу в потемках, как и ты.

– Твой муж замешан в мошенничестве на полмиллиарда долларов, поэтому я тебе не верю! – заявляет она. – А если ты не врешь, то ты – самая большая дура в мире! Как можно настолько плохо знать своего мужа?

Сейчас не лучшее время, чтобы просветить ее насчет собственного мужа. Карл спит со своей коллегой с тех пор, как Пэтти забеременела ребенком, которого сейчас развлекает на заднем дворе мистер Глупыш. Может, все мы дуры в той или иной степени, когда дело касается тех, кого мы любим и кому доверяем.

– Неужели ты думаешь, будто я поверю, что ты не знала о происходящем?

– Тогда зачем мне искать ответы? – спрашиваю я.

Пэтти задумчиво склоняет голову набок, ее лицо смягчается.

– Иди домой к Бейли. Ты ей нужна. – Она заходит в дом и вдруг оборачивается. – Ах да. Встретишь Оуэна, передай ему, чтобы горел в аду!

По пути в мастерскую я прохожу мимо дома Ли-Энн Салливан. Она сидит на крылечке с мужем и пьет лимонад, но я делаю вид, будто разговариваю по телефону. Обычно я здороваюсь с ними и выпиваю стаканчик.

Моя мастерская находится в небольшом домике в ремесленном стиле. Две тысячи восемьсот квадратных футов и огромный участок – о такой площади я могла только мечтать, когда жила в Нью-Йорке. Чтобы поработать над изделиями больших габаритов, которые не помещались на Грин-стрит, мне приходилось ездить на склад моих друзей в Бронксе.

Обогнув дом, я немного успокаиваюсь и иду напрямиком на веранду, где так люблю заниматься бумажной работой. Сажусь за столик и открываю ноутбук Оуэна. Я выбрасываю из головы Грейди Бредфорда и стараюсь не думать про разгневанную Пэтти. Я отмахиваюсь от мыслей о Карле, который даже смотреть на меня не хотел, не говоря уже о том, чтобы поделиться информацией. Осознание того, что разбираться придется самой, помогает мне взять себя в руки. Среди своих вещей я чувствую себя спокойнее, ведь это – мое любимое место в Сосалито. Тут попытка взломать личный компьютер

мужа кажется почти обычным делом.

Ноутбук включается, и я ввожу первый пароль. Вроде бы все выглядит как всегда. Щелкаю на папку «Фото», целиком посвященную Бейли. Там сотни фотографий от начальной школы до старших классов, снимки с каждого дня рождения, начиная с пяти лет, когда они переехали в Сосалито. Я видела их много раз. Оуэн обожал рассказывать про события их жизни, которые я не застала: первый футбольный матч малышки Бейли, первый спектакль во втором классе – пьеса Болтона и Вудхауса «Что бы ни случилось» (Бейли в ней просто блистала).

Более ранних снимков, когда они жили в Сиэтле, совсем мало, по крайней мере в этой папке. Я открываю вложенную папку под названием «О.М.». Первую жену Оуэна, мать Бейли, звали Оливия Майклз.

Оливия Майклз, в девичестве Оливия Нельсон: школьный учитель биологии, пловчиха-синхронистка, выпускница Принстона, как и Оуэн. В этой папке тоже не так много снимков – Оуэн говорил, что она терпеть не могла фотографироваться. Зато они очень удачные, вероятно, потому что Оливия была красавицей. Высокая, стройная, длинные рыжие волосы до середины спины и задорные ямочки на щеках, благодаря которым она выглядит лет на шестнадцать.

Мы с ней не очень похожи – она гораздо красивее и интереснее. Впрочем, если не отвлекаться на мелочи, то можно сказать, что определенное сходство есть. Рост, длина волос

(мои – светлые, ее – рыжие) и, пожалуй, улыбка. Когда Оуэн впервые показал мне фотографию Оливии, я сразу отметила общие черты. Он не стал оправдываться, просто заверил, что в жизни она смотрелась иначе, чем я.

Как ни странно, на большинстве снимков Оливия ничуть не похожа на Бейли, за исключением моей любимой фотографии, где она сидит на пирсе в джинсах и белой рубашке, откинув голову назад, и смеется. Цвет волос иной, но улыбка та же, что и у дочери.

Я касаюсь экрана, жалея, что не могу спросить у нее про дочь, про нашего мужа. Она уж точно знала бы, как поступить, и мысль об этом ранит.

Делаю глубокий вдох и открываю папку под названием «Технолавка». В ней – пятьдесят пять файлов, сплошь программные коды и программы для создания сайтов. Если среди них и спрятана зашифрованная информация, мне ее точно не найти. Надо поискать специалиста.

Вдруг я обнаруживаю документ под названием «Завещание». Мне не нравится, что он сохранен именно здесь, учитывая последние события, однако я успокаиваюсь, открыв его и просмотрев. Похожий документ Оуэн составил вскоре после нашей свадьбы. Выглядит так же, как и тогда. Или почти так же. Внизу последней страницы, под подписью Оуэна, короткая приписка. Может, я ее просто не заметила в тот раз, когда муж мне его показывал? Хранителем назначен некий или некая Л. Пол. Ни адреса, ни телефона.

Л. Пол. Кто же это, и где я слышала это имя?

Записываю его в блокнот, и тут позади меня раздается незнакомый голос.

– Узнали что-нибудь интересное?

На краю моего заднего двора стоят пожилая женщина и мужчина. Она – в темно-синем брючном костюме, седые волосы собраны в тугий конский хвост. Ее спутник одет менее официально – в измятую гавайскую рубашку, у него набрякшие веки и густая борода, которая его старит, хотя на деле он скорее мой ровесник, чем ее.

– Что вы тут делаете? – спрашиваю я.

– Мы пытались звонить в дверь, – заявляет он. – Вы – Ханна Холл?

– Сначала объясните, зачем вы проникли на мою собственность.

– Я – специальный агент Джереми О’Маккей из Федерального бюро расследований, а это моя коллега Наоми Ву, специальный агент.

– Зовите меня Наоми. Мы надеялись, что сможем с вами поговорить.

Я инстинктивно закрываю ноутбук.

– Сейчас не самое лучшее время, – говорю я.

Она расплывается в приторной улыбке.

– Всего несколько минут, – заверяет Наоми, – и мы оставим вас в покое.

Они поднимаются на веранду и подсаживаются к столику.

Наоми кладет свой значок и подталкивает его мне, О'Маккей делает то же самое.

– Надеюсь, мы не отвлекаем вас от важного дела, – замечает Наоми.

– А вот я надеюсь, что вы не следили за мной от самого дома.

Наоми окидывает меня пристальным взглядом. Я слишком сердита и не намерена отдавать им компьютер Оуэна до того, как выясню, что же там есть.

Также я помню предупреждение Грейди Бредфорда: не отвечать на вопросы, на которые мне отвечать не хочется. Пожалуй, совет полезный.

Джереми О'Маккей забирает свой значок.

– Полагаю, вы в курсе, что в отношении компании, где работает ваш муж, ведется расследование? – спрашивает он. – Мы надеялись, что вы сможете пролить свет на его местонахождение.

Я убираю компьютер со стола и кладу на колени, подальше от агентов.

– И рада бы, но понятия не имею, где мой муж. Я не видела его со вчерашнего дня.

– Разве не странно? – восклицает Наоми, словно это только что пришло ей в голову. – Как жена может не знать, где находится ее муж?

Я встречаюсь с ней взглядом.

– Да, очень странно.

– Вас удивит, если я скажу, что со вчерашнего дня ваш муж не пользовался ни телефоном, ни банковскими картами?

Я не отвечаю.

– Как вы думаете почему? – спрашивает О’Маккей.

Мне не нравится, как они на меня смотрят – словно уже решили, что я утаиваю от них информацию. К сожалению, это не так.

Наоми достает из кармана блокнот.

– Насколько нам известно, вы поддерживали деловые контакты с Эйвиттом и Беллой Томпсон? За последние пять лет они заказали у вас изделий на сто пятьдесят тысяч долларов.

– Насчет суммы вспомнить сразу не могу, но да, они – мои клиенты.

– Вы общались с Беллой после ареста Эйвитта? – спрашивает она.

Вспоминаю о шести своих сообщениях на автоответчике, которые остались без ответа, и качаю головой.

– Она вам не звонила?

– Нет.

Агент задумчиво склоняет голову набок.

– Вы уверены?

– Да, я вполне уверена в том, с кем говорила, а с кем нет!

Наоми подается ко мне, строя из себя лучшую подругу.

– Мы просто хотим убедиться, что вы рассказали нам все, в отличие от вашей подруги Беллы.

– Что вы имеете в виду?

– Скажем так: ее заверения в полной непричастности выглядят довольно бледно после того, как она купила четыре билета до Сиднея из разных аэропортов Калифорнии, пытаюсь ускользнуть из страны. Разве так поступают те, кто ничего не знает?

Я стараюсь никак не реагировать. Как такое может быть? Как получилось, что Эйвитт – в тюрьме, а Белла пытается удрать на свою бывшую родину? И как Оуэн умудрился влезть во все это? Ведь он такой умный, такой осторожный. Неужели он действительно не видел, что творится в компании?

– Белла обсуждала с вами «Технолавку»? – спрашивает Наоми.

– Она никогда не обсуждала со мной работу Эйвитта, – отвечаю я. – Белла ею совершенно не интересовалась.

– Нам она сказала то же самое.

– Где Белла сейчас?

– В своем доме в Сент-Хелене, а ее паспорт находится у адвоката. Она придерживается позиции, что даже не подозревала о махинациях мужа, – говорит О’Маккей. – Однако, по нашему опыту, жена обычно в курсе.

– Не в моем случае, – заверяю я.

Наоми вмешивается в разговор:

– Безусловно, следует позаботиться о дочери Оуэна.

– Я уже о ней забочусь.

– Хорошо, – говорит она, – очень хорошо.

В ее голосе звучит угроза. Я слышу то, чего она пока не говорит: Бейли у меня могут забрать. Разве Грейди не заверял, что так может случиться?

– Также нам нужно поговорить с Бейли, – заявляет О’Маккей. – Сегодня, после школы.

– Нет, не нужно, – возражаю я. – Бейли не знает, где ее отец. Оставьте ее в покое!

О’Маккей копирует мой тон.

– Боюсь, решать не вам. Мы можем договориться о времени сейчас или просто подъедем на пристань ближе к вечеру.

– Мы наняли адвоката, – сообщаю я. – Если хотите пообщаться с девочкой, сперва свяжитесь с ним.

– И кто же ваш адвокат? – интересуется Наоми.

Я выпаливаю имя не задумываясь.

– Джейк Андерсон. Он живет в Нью-Йорке.

– Ладно. Передайте ему, чтобы связался с нами, – велит Наоми.

Я киваю, пытаюсь придумать, как бы разрядить обстановку.

– Послушайте, я понимаю, вы просто выполняете свою работу. Но я очень устала и уже сказала сегодня маршалу, что мало чем могу помочь.

– Пойдите, какому такому маршалу?! – восклицает О’Маккей.

Я смотрю на него и на посерьезневшую Наоми.

– Федеральному маршалу, который заходил ко мне сегодня утром. Он уже меня опросил.

Агенты переглядываются.

– И как звали этого федерального маршала?

Наоми сжимает губы с таким видом, словно игровое поле неожиданно поменялось. Пожалуй, лучше не говорить ей правду.

– Не помню, – пожимаю плечами я.

– Вы не помните, как его зовут? – Я молчу. – Вы не помните имя федерального маршала, который появился у вас на пороге? Как такое вообще возможно?

– Я полночи не спала, так что соображала туго.

– Этот маршал показал вам свой значок? – спрашивает О’Маккей.

– Ну да.

– Вы знаете, как выглядит значок федерального маршала? – интересуется Наоми.

– Да откуда мне знать?! Я и значок агента ФБР вижу в первый раз, если на то пошло. Наверное, лучше позвонить в вашу контору и попросить их подтвердить ваши личности. Тогда и продолжим беседу.

– Нас удивило вмешательство маршала, это дело не в их юрисдикции, – поясняет Наоми. – Поэтому нам нужно выяснить, кто именно разговаривал с вами сегодня утром. Без нашего одобрения ему не следовало здесь находиться. Он не пытался угрожать Оуэну? Вы должны знать, что если вовле-

ченность Оуэна минимальна, то он сможет оправдаться, дав показания против Эйвитта.

– Верно, – подтверждает О’Маккей. – Ведь пока он даже не подозреваемый.

– Что значит – пока?!

– Вы неправильно поняли, – вмешивается Наоми.

– Я имел в виду, что у вас не было причин для разговора с федеральным маршалом.

– Самое забавное, что про вас, ребята, он сказал то же самое.

– Неужели?

Наоми берет себя в руки и улыбается.

– Давайте не будем ссориться, ведь мы одна команда. Впредь вам лучше посоветоваться со своим адвокатом, прежде чем разговаривать с любимым, кто постучится в дверь.

Я копирую ее улыбку.

– Прекрасная идея, Наоми. Позвоню ему прямо сейчас.

Я жестом указываю на калитку и жду, пока они уйдут.

Не держи на меня зла

Убедившись, что агенты ФБР ушли, я покидаю мастерскую и возвращаюсь на пристань, прижимая к груди компьютер Оуэна. Я прохожу мимо начальной школы как раз в тот момент, когда детишки выходят с уроков.

Поднимаю глаза, чувствуя на себе взгляды. Несколько матерей и отцов смотрят в мою сторону. Не сердито, в отличие от Пэтти с Карлом, скорее, с тревогой и жалостью. В конце концов, они любят Оуэна. Они приняли его в свой круг. Им понадобится нечто большее, чем название компании в новостях, чтобы в нем усомниться. В маленьких городках люди стоят друг за друга горой и не отворачиваются от тех, кого любят.

Им также требуется много времени, чтобы принять нового человека. Например, меня. Они все еще не уверены, стоит ли. Когда я только переехала в Сосалито, было гораздо хуже. Любопытные взгляды меня преследовали, но по другой причине. Люди судачили обо мне достаточно громко, чтобы слышала Бейли. Им хотелось знать, кто такая эта приезжая, на которой решил жениться их Оуэн. Они не понимали, как самый завидный холостяк Сосалито угодил в цепкие ручки какой-то плотницы, что не пользуется косметикой и не носит модных туфель. Они удивлялись, что Оуэн выбрал подобную женщину – моложавую, хотя и почти сорокалетнюю, которая

вряд ли сможет родить ему еще детей. Женщину, явно не наигравшуюся со своими деревяшками и не успевшую вовремя завести семью.

Похоже, они не понимали того, что с самого начала понял обо мне Оуэн. К одиночеству я всегда относилась спокойно. Дедушка приучил меня к самостоятельности. Проблемы начинались, когда я пыталась вписаться в чью-нибудь жизнь, особенно если в процессе требовалось отказаться от части себя. Поэтому я ждала того, кому не понадобятся такие жертвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.